Н. ЩЕДРИНЪ.

КАКЪ ВЫСѢКЛИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА.

Н. ЩЕДРИНЪ.

КАКЪ ВЫСѢКЛИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА

или

ТАШКЕНТЦЫ ОБРАТИВШІЕСЯ ВНУТРЬ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница
Шарлоттенштрассе 2.

КАКЪ ВЫСѢКЛИ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА

или

ТАШКЕНТЦЫ,

ОБРАТИВШІЕСЯ ВНУТРЬ.

Ахъ, какъ я тогда себя велъ!

Ташкентъ еще завоеванъ не былъ; на западѣ дѣло было покончено; мы были свободны, но страсть къ завоеваніямъ не умирала.

Ничего другого не оставалось, какъ обратиться внутрь . . . .

Я помню, это было лѣтомъ. Петербургъ погибалъ. Стихіи смѣшались. Наводненіе слѣдовало за наводненіемъ; Адмиралтейство уже уплыло; съ часу на часъ ожидали, что поплыветъ Петропавловская крѣпость. Публицисты гремѣли и доказывали, что наводненія производятся нигилистками; общественное мнѣніе требовало быстрой и дѣйствительной

Немезиды. Образовались, какъ водится, подъ предводительствомъ отставныхъ генераловъ нѣсколько частныхъ компаній для искорененія „зла“; акціи разбирались на расхватъ, тѣмъ болѣе, что цѣна имъ копѣйка серебромъ; какъ въ 1612 году общество пыталось спасти себя само безъ разрѣшенія начальства. Объявленъ былъ походъ противъ нигилистовъ и нигилистокъ; крестоносцевъ потребовалось множество. Къ одной изъ такихъ компаній подъ названіемъ „Робкое усиліе благонамѣренности“ пристaлъ и я.

Какъ только кто-нибудь кликнетъ кличъ — я тутъ. Не успѣетъ еще генералъ (не знаю почему, но мнѣ всегда представляется, что кличетъ кличъ всегда генералъ) ротъ разинуть, какъ уже я выростаю изъ подъ земли и трепещу передъ его Превосходительствомъ. Гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы я углу ни скитался — чувствую. Сначала меня мутитъ, потомъ начинаютъ вытягиваться ноги, вытягиваются, вытягиваются, бѣгутъ, бѣгутъ, и едва успѣетъ вылетѣть звукъ: „Ребята! съ нами Богъ!“ — я тутъ.

— Куда прикажете, Ваше Пр—ство?

— А! ты опять здѣсь!

— Точно такъ, Ваше Пр—ство!

— Благодарю, мнѣ люди нужны . . .

Такъ именно было и тогда. Не помню, въ какой губерніи я скитался, но помню: въ карманѣ не было ни гроша! И еще, еще помню: мѣра беззаконій исполнилась . . . . Взять тройку, подтянуться кушакомъ, подкрѣпиться 3—4 рюмками очищенной, сѣсть въ телѣгу, перекреститься — все это было дѣломъ одной минуты. Затѣмъ скакать, скакать и скакать . . . И дѣйствительно, я прискакалъ въ тотъ моментъ, когда генералъ произносилъ возмутительную рѣчь. Эта рѣчь произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, что и теперь помню ее отъ слова до слова. „Господа! сказалъ онъ: не посрамимся, но ляжемъ костьми такъ, Мм. Гг., говорилъ блаженной памяти Его Высочество великій князь Святославъ Игоревичъ, намѣреваясь вступить въ сокрушенный бой съ Іоанномъ Цимисхіемъ . . .“ Генералъ остановился, покраснѣлъ и прибавилъ: „Господа! я не ораторъ, но, какъ человѣкъ русскій, могу сказать: ребята! наша взяла! . . .“ Въ это самое время я всталъ. Къ удивленію, пріемная зала была уже полна соискателей всѣхъ воз-

растовъ, состояній и націй. Очевидно, мутило не меня одного. Фонды компаніи въ одну минуту возвысились съ копѣйки до ломанаго гроша. Сочувствующіе, желающіе поживиться тѣснились, толкали другъ друга, бросали кругомъ завистливые взгляды, такъ что генералъ, чтобы предотвратить несчастіе, долженъ былъ сказать: „Господа! не торопитесь! всѣмъ будетъ мѣсто! мнѣ люди нужны!“ И затѣмъ, обращаясь къ одному изъ приближенныхъ, продолжалъ: „Какой, однако, прекрасный наплывъ чувствъ!“

Насъ тутъ же всѣхъ поголовно переписали и велѣли немедленно явиться въ правленіе для окончательнаго распредѣленія по отрядамъ (par escouades). Я помню, въ числѣ соискателей меня въ особенности поразилъ одинъ инородецъ: при 3-хъ аршинномъ ростѣ и соразмѣрной тучности онъ выражалъ такую угрюмую рѣшительность, что самые невинные люди немедленно во всемъ сознавались при одномъ его приближеніи.

Генералъ нашъ долго любовался имъ, но, замѣтивъ, что это предпочтеніе во многихъ начинаетъ возбуждать чувство патріотической ревнивости, тотчасъ же поспѣшилъ разувѣ-

рить насъ. „Господа! сказалъ онъ: не думайте, прошу васъ, чтобы у насъ требовались исключительно люди сверхъестественнаго роста! Нѣтъ, — въ нашемъ предпріятіи найдется мѣсто для людей всякаго роста, всякой комплекціи. Одно непремѣнное условіе — это русская душа!“ Слово „непремѣнное“ генералъ произнесъ съ особымъ удареніемъ.

— А нѣмцу можно? раздался въ толпѣ чей-то голосъ. . .

Небесная улыбка озарила лицо генерала.

— Нѣмцу можно! нѣмцу всегда можно! потому что у нѣмца всегда русская душа . . . сказалъ онъ съ энтузіазмомъ и, обращаясь вновь къ своему приближенному лицу, прибавилъ: — О, еслибы всѣ русскіе обладали такими русскими душами, какія обыкновенно бываютъ у нѣмцевъ! . . .

Генералъ на минуту задумался и пожевалъ губами . . .

— Наполеонъ Ш сказалъ правду, произнесъ онъ какъ бы въ раздумьи: что такое истинный французъ? спросилъ онъ себя въ одну изъ трудныхъ минутъ и отвѣчалъ: истинный французъ есть тотъ, который исполняетъ приказанія генерала Пьетри! И съ тѣхъ поръ,

какъ онъ сказалъ себѣ это, все пошло хорошо!

— Такъ точно, Ваше Пр—ство! прогремѣли мы хоромъ.

Инородецъ шевелилъ глазами и простиралъ руки. Наконецъ перепись кончилась. Оказалось 666 соискателей; изъ нихъ 400 (все-таки большинство!) русскихъ, 200 нѣмцевъ съ русскими душами, тридцать три инородца безъ души, но съ развитыми мускулами и 33 поляка. Послѣднихъ генералъ тотчасъ же вычеркнулъ изъ списка. Но едва онъ успѣлъ отдать соотвѣтствующее приказаніе, „безмозглые“ обнаружили строптивость, свойственную этой легко воспламеняющейся націи.

— Мы тоже русскіе! съ наглостью говорили они.

— У насъ тоже русская душа!

— Но вы католики, м. г.! усовѣщевалъ генералъ: а этого я ни въ какомъ случаѣ потерпѣть не могу!

— Какіе мы католики — мы и въ церкви никогда не бываемъ . . .

— А! если это такъ — это другое дѣло! но предваряю, хуже будетъ тому, кто солгалъ . . .

И затѣмъ, приказавъ возстановить поляковъ въ правахъ и обращаясь къ намъ, прибавилъ:

— Ну, теперь съ Богомъ. господа!

Съ этими словами предсѣдатель компаніи „Робкое усиліе благонамѣренности“ удалился въ кабинетъ, оставивъ всѣхъ очарованными.

Счастливые, обласканные, мы гурьбой выходили отъ него и весело разговаривали . . .

— Ангелъ! говорили одни.

— Какое знаніе человѣческаго сердца! разсуждали другіе.

Я лично былъ въ такомъ энтузіазмѣ, что, подходя къ Палкину трактиру и встрѣтивши стриженную нигилистку, которая шла по Невскому, притопывая каблуками и держа подъ мышкой книгу, не воздержался, чтобы не сказать:

— Тише! Ммеррзавка!

* * *

Почему я это сказалъ, я до сихъ поръ объяснить себѣ не могу, но оказалось, что я попалъ мѣтко, потому что негодная поблѣднѣла,

какъ полотно, и поскорѣй сѣла на извозчика, чтобъ избѣжать народной Немезиды . . . Есть какой-то инстинктъ, который въ важныхъ случаяхъ подсказываетъ человѣку его дѣйствія, и я никогда не раскаявался, повинуясь этому инстинкту. Такъ, напр., когда я цивилизовалъ на западѣ, то не иначе, входилъ въ домъ пана, какъ восклицая: а ну-те вы такісякіе „кши, пши, вши“, разсказывайте; думаете ли вы, что „надѣя“ еще съ вами?

Я очень хорошо понималъ, что остроумнаго тутъ нѣтъ ничего. „Надѣя“ — надежда, „смѣтанка“ — сливки, „до забаченія“ — до свиданья, — конечно, всѣ эти слова очень обыкновенны, но — странное дѣло — мы, просвѣтители, не могли выносить ихъ; намъ казалось: ну какъ не бить людей которыя произносятъ такія слова? Но въ то же время я былъ убѣжденъ, что паны найдутъ мою шутку необыкновенно веселою . . . И дѣйствительно, они просто надрывали животы отъ смѣха, когда я произносилъ свое привѣтствіе. (Каюсь, этому смѣху многіе даже были обязаны своимъ спасеніемъ . . .)

— О! какой панъ милій! восклицали они хоромъ . . .

„Милій!“ замѣтьте, „милій“, а не „милый!“ Точно такъ было и теперь.

Повидимому, я не сказалъ ничего, а вышло, что сказалъ очень многое . . . Къ несчастію я былъ голоденъ и къ тому не имѣлъ свободнаго времени слѣдить за негодяйкой . . . Однако я все-таки былъ доволенъ, что успѣлъ изобыточить ее на четвертакъ, который она должна была заплатить извозчику.

У Палкина была почти такая же давка, какъ и въ генеральской пріемной, такъ какъ всѣ мы на первый случай получили по нѣсколько монетъ и спѣшили вознаградить себя за всѣ дни недобровольнаго воздержанія, которое каждый изъ насъ передъ тѣмъ вытерпѣлъ. Но замѣчательно, что никто не спрашивалъ себѣ горячаго, но всѣ насыщались какъ то непослѣдовательно, урывками, большею частію солеными и копченими закусками, заѣдая ими водку. Трехаршинный инородецъ былъ тоже здѣсь, но водки не пилъ, а выпилъ жбанъ кислыхъ щей и съѣлъ четверть жеребенка. Проглотивъ послѣдній кусокъ, онъ отяжелѣлъ и долгое время не могъ даже моргать глазами. Многіе пользовались этимъ и безнаказанно показывали ему свиное ухо.

На всѣхъ пунктахъ шли оживленные разговоры.

— Нужно думать, что намъ придется дѣйствовать по ночамъ, догадывались одни.

— Еще бы! Днемъ-то „его“ съ собаками не сыщешь, а ночью — динь, динь! Команъ ву порте ву? Wie viel haben zu gewesen? Сейчасъ его рракалію за волостное правленіе — не угодно ли прогуляться? Да не противиться, сударь мой! Н-н-ето-пы-ри-ть-ся!

— А если же онъ уже въ спальнѣ? спросилъ тотъ самый нѣмецъ, который сомнѣвался, какая у него душа.

— А если же онъ уже въ спальнѣ? поддразнилъ одинъ изъ собесѣдниковъ: такъ что же, что ужъ въ спальнѣ! Тебѣ же нѣмцу лучше – туда прямо и при! Можетъ на нигилисточку интересную набредешь!

Нѣмчикъ покраснѣлъ.

— Что? Побагровѣлъ? Ахъ, нѣмецъ, нѣмецъ, чувствуетъ мое сердце, что добра отъ тебя не будетъ. Ты пойми, тутъ каждая минута милліонъ триста тысячъ червонцевъ, а ты ломаешься: „уже въ спальнѣ!“

— О, нѣтъ! я ничего!“ мнѣ очень пріятно!

— То-то я „ничего!“ Ты иди прямо, потому дохнуть тутъ некогда . . .

— Это дѣло нужно умненько вести, разсуждали въ другомъ мѣстѣ: потому тутъ какъ разъ наскочишь! . . .

— Не можетъ этого быть!

— Что вы говорите: „не можетъ быть!“ Я самъ, сударь, на собственной своей персонѣ испыталъ, какъ это „не можетъ быть . . .“ Видите это пятно? Вотъ это! . . . Ну? Вы думаете, что это родимое! нѣтъ, государь мой, это . . .

— Я полагаю, надо сначала вызвать дворника, ораторствовали въ третьемъ мѣстѣ: а когда онъ обробѣетъ, потребовать, чтобъ указалъ путь. Когда же такимъ образомъ настоящая берлога будетъ приведена въ извѣстность, то изловить „его“ не будетъ составлять никакой трудности . . . Нужно только, знаете, съ шумомъ, съ трескомъ, чтобъ впечатлѣніе было полное . . .

— Но если, заслышавъ шумъ, „онъ“ уйдетъ?

— Куда уйдетъ? подъ столъ что ли спрячется? или въ щель заползетъ? такъ за во-

лосы оттуда вытащимъ, государь мой, за волосы! . . .

— Но если „онъ“ вдругъ лишитъ себя жизни?

— Те те-те, это волосатый-то! онъ-то лишитъ себя жизни? Да вы, сударь, стало быть не знаете ихъ! Это благородный человѣкъ . . . ну, тотъ, конечно . . . для благороднаго человѣка жизнь что? тьфу! . . . А то кого нашли! Волосатаго!

Словомъ сказать, всѣ шумѣли, всѣ волновались! одинъ инородецъ былъ исключительно преданъ варенію принятой имъ пищи. Вскорѣ, впрочемъ онъ получилъ способность моргать глазами и поворачивать головой. Тогда онъ повернулся всѣмъ корпусомъ къ Невскому и, увидѣвъ на улицѣ жалкую собаченку, которая на трехъ ногахъ жалась около тротуара, отперъ окно, вынулъ изъ кармана небольшой камень и пустилъ имъ въ собаку. Послѣдовалъ визгъ, и на губахъ его показалась улыбка! . . . Только тогда мы поняли, какую роль долженъ былъ играть этотъ человѣкъ въ предстоящемъ походѣ . . . Всѣ на мгновеніе притихли . . .

Я вслушивался въ эти разговоры, и желчь все сильнѣе и сильнѣе во мнѣ кипѣла. Я не знаю, испытывалъ ли читатель это странное чувство самораздраженія, когда въ человѣкѣ первоначально зарождается ничтожнѣйшая точка, и вдругъ эта точка начинаетъ разростаться, разростаться и наконецъ охватываетъ всѣ помыслы, преслѣдуетъ, не даетъ ни минуты покоя. Однажды вспыхнувъ, страсть подстрекаетъ себя сама и не удовлетворяется до тѣхъ поръ, пока не исчерпаетъ всего своего содержанія!

Что до меня, то я ощущалъ это чувство неоднократно. Обстановка, совѣщанія, ожиданія предстоящихъ подвиговъ — все это дѣйствуетъ опьяняющимъ образомъ. Такъ было и теперь. Чѣмъ болѣе я слушалъ, тѣмъ болѣе напрягались мои душевныя силы, тѣмъ болѣе я ненавидѣлъ. Ночь, спящій въ кровати нигилистъ, робѣющій дворникъ, бряцаніе о тротуары и черныя лѣстницы, rémue ménage въ бумагахъ и письмахъ — таково начало! Потомъ: кроткое мерцаніе утренней зари, медленный благовѣстъ къ заутренямъ, дрожь на проникнутомъ ночною свѣжестью воздухѣ, рюмка водки въ ближайшей харчевнѣ, шумъ,

смѣхъ, изумленіе раннихъ прохожихъ . . . . стой! слу-шай! Въ комъ не произведетъ опьяненія подобная перспектива?

Въ такомъ-то возбужденномъ состояніи я вышелъ изъ Палкина трактира и уже хотѣлъ направить шаги въ свою квартиру, какъ вдругъ увидѣлъ идущаго на встрѣчу товарища по школѣ. Натурально, бросились другъ къ другу. Изліянія, воспоминанія, вопросы . . . Радость была временная, потому что въ школѣ мы были очень дружны, а послѣ того потеряли другъ друга изъ вида, и слѣдовательно ни онъ обо мнѣ, ни я объ немъ не имѣли рѣшительно никакихъ свѣдѣній . . . И вдругъ послѣ нѣсколькихъ минутъ задушевной бесѣды онъ говорилъ мнѣ:

— Ахъ, какое время, мой другъ! Какое ужасное время!

Я инстинктивно взглянулъ на него, онъ уловилъ этотъ взглядъ и вдругъ все понялъ!

— То есть, ты понимаешь меня, замѣтилъ онъ, какъ-то странно смѣясь мнѣ въ лицо: не въ томъ смыслѣ ужасное . . . пожалуйста, ты не подумай . . . однако, прощай! Мнѣ надо по одному дѣлу!

И онъ удалился, постепенно ускоряя свои шаги. Я нѣсколько минутъ, какъ статуя, стоялъ на своемъ мѣстѣ и безмолвно кусалъ усы. Еслибы въ эту минуту возлѣ меня развернулась пропасть, я навѣрное бросился бы въ нее! . . .

Меррзавецъ!

* * *

Pardon! Вѣдь было, однако, время . . . когда я былъ либераломъ!

Не удивляйся читатель, и не гляди на меня съ недовѣріемъ: да, было время, когда ты весь, всѣмъ существомъ, всѣми помыслами души принадлежалъ мнѣ! Я не только былъ либераломъ, но былъ близокъ къ нѣкоторымъ знаменитымъ и уважаемымъ личностямъ (увы! теперь уже умершимъ!). Мы составили тогда тѣсную, дружескую семью; у всѣхъ насъ былъ одинъ девизъ: „добро, красота, истина“.

Мы не только горячо говорили, но и горячо чувствовали. Борьба романтизма съ классицизмомъ, философское движеніе, возбужденное Гегелемъ, Гоголемъ, Жоржъ Зандъ —

все это увлекало насъ, и увлекало совершенно искренно. Насъ трогали идеи 48 года, конечно, не сущность ихъ, а женерозность, гуманность . . . „Alea jacta est“, „La grandeur d'âme est à l'ordre du jour“ — восклицали мы вслухъ за тогдашнимъ идеаломъ — Ламартиномъ.

Какимъ образомъ все это сдѣлалось съ уставомъ благоустройства и благочинія?

Это сдѣлалось очень странно, но, я помню, тутъ произошелъ какой-то сумбуръ.

Была одна минута, одна единственная минута, когда вдругъ все перемѣнилось, когда выползли изъ норъ какіе-то волосатые люди и начали доказывать, что „добро“, „красота“, „истина“ — все это только слова, которыя непремѣнно нужно пополнить какимъ нибудь содержаніемъ, чтобы они получили какое нибудь значеніе.

— Что разумѣете вы, напр., подъ „добромъ“? спрашивали насъ эти люди, спрашивали такъ дерзко, такъ самоувѣренно, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ возможность „распорядиться“ исчезла навсегда изъ всѣхъ кодексовъ.

Однако мы были на столько любезны (замѣтьте: мы могли и не быть ими!), что отвѣчали.

Я помню, я въ первый разъ тогда покраснѣлъ: до тѣхъ поръ все это было мнѣ такъ ясно, какъ безспорно, и вдругъ!

— Добро! говорили мы: но развѣ каждому изъ насъ не присуще это чувство? Развѣ каждый изъ насъ не трепещетъ при одномъ его имени? Развѣ не страшенъ самый вопросъ: что такое добро?

Сказавъ это мы сѣли, ибо были увѣрены, что отвѣтили.

— Ну-съ! услышали мы вмѣсто возраженія.

— Но, наконецъ продолжали мы: если въ трудныя минуты жизни мы жаждемъ утѣшенія, то гдѣ же мы ищемъ его, какъ не въ высокихъ идеяхъ добра, красоты и истины? Ужели и это не объясняетъ достаточно, какое значеніе, какую цѣну имѣетъ добро?

Мы кончили и опять сѣли, ожидая, что эти поймутъ . . . Но въ отвѣтъ на наши слова послышался холодный, какъ бы безчувственный смѣхъ . . . Я понялъ, что этотъ смѣхъ называется „отрицаніемъ“, и впервые тогда произнесъ:

— Мерзавцы!

Послѣ этого пошло дальше и дальше: послѣ „отрицанія“ пришло и „неуваженіе авторитетовъ“, потомъ „безвѣріе“, потомъ „посягательство на чужую собственность“, затѣмъ еще и еще . . . теперь я чувствую, что я пришелъ, что я у пристани . . .

Иногда меня интересуетъ вопросъ: что было бы, еслибы былъ живъ Грановскій? Остался ли бы я его другомъ? Я понимаю, что самъ по себѣ этотъ вопросъ праздный; но, сознаюсь, въ первое время моего вступленія на арену благочинія онъ волновалъ меня довольно сильно. Бывали минуты, когда я предлагалъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе компетентнымъ людямъ. Многіе изъ нихъ уклонялись, многіе не отвѣчали ни да, ни нѣтъ; но одинъ просто на-просто сразилъ меня.

— Вы! почти крикнулъ онъ на меня: вы другъ Грановскаго! Вы? . . . Да онъ бы на порогъ квартиры своей васъ не пустилъ! . . . Мерзавецъ!

* * *

Я уже сказалъ, что мы дѣйствовали отрядами, par escouades . . .

Не смотря на позднее время, „онъ“ сидѣлъ и читалъ книгу; подруга его беззаконій спала . . . Когда мы позвонили, онъ самъ отворилъ намъ дверь. „Онъ“ не казался испуганнымъ, ни даже изумленнымъ, но какъ будто старался понять . . . Наконецъ онъ понялъ.

Первымъ моимъ движеніемъ было овладѣть книгой.

Содержаніе ея было физіологическое.

— Вотъ эти-то книги и доводятъ васъ, м. г., до всего! сказалъ, я ужъ не помню какъ это случилось, но я бросилъ книгу на полъ и началъ топтать ее ногами . . .

„Онъ“ съ любопытствомъ и даже какъ бы съ жалостію слѣдилъ за моими непроизвольными движеніями, однако не протестовалъ.

Изъ другой комнаты выглянуло испуганное лицо женщины.

— Это кто? спросилъ я, указывая на нее.

— Это . . . моя жена . . .

— Около ракитоваго куста вѣнчали?

— Къ сожалѣнію я не на столько знакомъ съ отечественными былинами, чтобы отвѣчать на вашъ вопросъ.

Это была уже дерзость.

— Я заставлю васъ понимать себя! вспылилъ я.

— Извините, но я не могу понимать больше того, сколько понимаю. Потрудитесь выражаться яснѣе.

— Гражданскимъ бракомъ? Проклятымъ гражданскимъ бракомъ? говорилъ я, выходя изъ себя.

— Теперь понимаю . . . Да, гражданскимъ бракомъ!

— Вотъ для нея религія! Сударыня . . . . какъ васъ . . . Извольте получить!

„Она“ наскоро одѣлась и вышла къ намъ. Повидимому, она еще не понимала.

— Что же! возьми! сказалъ онъ.

Но она все еще не рѣшалась брать и взорами спрашивала у него, у меня, у всѣхъ . . . разъясненія этой загадки . . . Вдругъ черты ея лица начали искажаться . . . „Она“ поняла . . . И что жъ? Оказалось, что это была дочь почтеннаго д. ст. сов., увлеченная хитростью въ нигилизмъ! . . .

Марршъ!

* * *

Было еще позднѣе, и „онъ“ уже спалъ. Сдѣлавши нѣсколько сильныхъ ударовъ звонкомъ, мы долго ждали на площадкѣ, прислушиваясь, какъ за дверью возились и ходили взадъ и впередъ. Возни этой, казалось намъ, не будетъ конца.

— Да куда же, однако, дѣвались мои носки? долеталъ до насъ „его“ голосъ.

Наконецъ носки были отысканы и дверь была отперта . . . „Онъ“ узналъ насъ сразу и не только не показалъ никакого изумленія, но даже принялъ гостей съ нѣкоторою развязностію.

Впослѣдствіи открылось, что „онъ“ уже „травленный“.

— Ба! Гости! сказалъ онъ довольно весело: да ужъ нѣтъ ли тутъ старыхъ знакомыхъ? нѣтъ? Ну, и съ новыми познакомимся! . . . . Marie! вставай: гости пришли!

Оказалось, что „онъ“ былъ веселый малый и даже отчасти жуиръ. На столѣ въ кабинетѣ стояли неубранные остатки довольно обильной закуски: ветчина, сыръ, балыкъ, куски холоднаго пирога . . . Нѣсколько початыхъ бутылокъ вина и на половину выпитый графинъ съ водкой довершали картину.

— Господа! не угодно ли? сказалъ „онъ“, указывая на закуску: отъ меня съ часъ тому назадъ ушли пріятели, такъ вотъ кстати и закуска осталась. А я покамѣстъ одѣнусь: вѣдь мнѣ придется сопровождать васъ? или, лучше, вамъ придется сопровождать меня — такъ?

— Точно такъ-съ! отвѣчалъ я, увлеченный его добродушіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не подумать: — вотъ еслибы всѣ-то они были таковы. Гостепріименъ, ласковъ, словоохотливъ!

Это былъ единственный случай, когда меня угостили закуской. Я уже начиналъ думать, что „они“ не ѣдятъ и не пьютъ, и вдругъ . . . встрѣчаюсь съ картиной стариннаго дворянскаго хлѣбосольства! И гдѣ же встрѣчаюсь?

Что привело этого человѣка въ бездну нигилизма? Какое тайное коварство опутало его сѣтями злоумышленія?

Непостижимо.

Мы послѣдовали приглашенію радушнаго хозяина и, признаюсь, даже не замѣтили, какъ прошло время въ любезной бесѣдѣ.

Говорили обо всемъ, о соціализмѣ, о коммунизмѣ, но безъ раздраженія, безъ задору и даже съ видимымъ удовольствіемъ . . . . Одинъ только разъ я принужденъ былъ выразиться довольно строго, и именно по поводу той самой Marie, которую онъ уже вызывалъ въ началѣ нашего прихода и которая теперь съ самой изысканной любезностью подчивала насъ пирогомъ и закуской.

— Эта особа . . . какъ вамъ приходится? спросилъ я его.

— А, это . . . моя жена! . . . Вамъ, можетъ быть, нужно въ спальную войти? Сдѣлайте одолженіе — не стѣсняйтесь! Я самъ вамъ все покажу.

— Нѣтъ-съ, покуда мы еще не имѣемъ въ этомъ нужды . . . но жена . . . т. е. какъ же жена? прибавилъ я, шутливо подмигнувъ однимъ глазомъ: вокругъ ракитова куста?

— Если вы подъ ракитовымъ кустомъ разумѣете . . .

Но онъ не успѣлъ покончить.

— Довольно, м. г.! сказалъ я строго, чтобы дать ему почувствовать, что вѣжливое обращеніе еще не даетъ права на дерзость.

Затѣмъ, когда мы закусили и выпили, онъ самъ намъ показалъ все. Въ цѣлой квартирѣ не было ни одной книги, ни одного клочка бумаги, такъ что я даже изумился.

— Васъ изумляетъ отсутствіе книгъ и бумагъ? поспѣшилъ онъ объяснить, замѣтивъ на моемъ лицѣ недовольное движеніе: но поймите же, наконецъ, что, начиная съ 48 года, я періодически подвергаюсь точно такимъ же посѣщеніямъ, какъ въ настоящую минуту. Кажется, этого достаточно, чтобы получить нѣкоторую опытность.

Признаюсь, во всякомъ другомъ случаѣ подобная предусмотрительность огорчила бы меня, но на этотъ разъ она меня даже обрадовала: такъ мнѣ пріятно было за нашего добраго, радушнаго . . . и вѣроятно не по своей винѣ увлеченнаго хозяина!

Подъ вліяніемъ этого чувства я совершенно раскисъ.

— Вы не сердитесь, пожалуйста, на меня, Павелъ Ивановичъ (такъ „его“ звали), сказалъ я: но я считаю своимъ долгомъ вамъ выразить, что давно не проводилъ такъ пріятно время, какъ въ вашемъ миломъ образованномъ семействѣ.

— За что же тутъ сердиться?

— Да-съ! Но за всѣмъ тѣмъ . . . моя обязанность . . . мой, если такъ можно выразиться, священный долгъ . . .

— Повелѣваетъ вамъ пригласить меня съ собою? Что жъ, вѣдь я съ перваго же раза сказалъ вамъ, что на всякомъ мѣстѣ и во всякое время готовъ!

— Да-съ; но могу васъ увѣрить, что съ своей стороны . . . все, что возможно . . . генералу . . . полковнику . . . все, что зависитъ.

— Ну, отъ такихъ курициныхъ дѣтей, какъ вы, тутъ, пожалуй, ровно ничего зависѣть не можетъ . . . Однако, довольно разговаривать: идемъ!

Тутъ только я замѣтилъ, что ему все-таки не совсѣмъ пріятно было наше посѣщеніе.

Маршъ!

* * *

Петербургъ погибалъ! Петропавловская крѣпость уже уплыла . . . Послѣдній оплотъ! Это было зрѣлище ужасное: куда ни огля-

нись — вездѣ дыра . . . Публицисты гремѣли, а благонамѣренные фарисеи радовались . . .

Всѣ чувствовали, что надо вырвать „зло“ съ корнемъ, всѣ издавали дикіе вопли . . . . Въ чемъ заключалось зло? Какое оно отношеніе имѣло къ данной минутѣ? Объ этомъ никто себя не спрашивалъ, не разсуждалъ, не говорилъ. Чувствовалось одно: что минута благопріятна, что это одна изъ тѣхъ минутъ, къ которымъ можно пріурочить какую-угодно обиду, и никто въ суматохѣ ничего не разберетъ и не отличитъ . . . Если теперь упустить минуту, то кто можетъ поручиться: поймаешь ли ее когда-нибудь за хвостъ?

Нѣтъ зрѣлища болѣе поразительнаго, какъ зрѣлище радости благонамѣренныхъ! Это какой-то гулъ: у-у! а-а! го-го! Повидимому тутъ нѣтъ даже необходимой для вразумленія рѣчи членораздѣльности, а за всѣмъ тѣмъ нельзя не чувствовать, что это единственные „передовые“ звуки, возможные въ извѣстныя минуты.

Еще вчера благонамѣренный жался къ сторонкѣ, ходилъ съ понурой головой съ блѣдными щеками и потухшими взорами; еще вчера онъ клялся и божился, что отнынѣ

подло быть негодяемъ — и вдругъ какая метаморфоза! Сегодня онъ цвѣтетъ, какъ маковъ цвѣтъ; походка у него увѣренная, авторитетная; глаза блещутъ молоньями; уста извергаютъ побѣдный вопль. Вы не можете объяснить, какъ совершилась побѣда, но чувствуете, что она совершилась и что вчерашній день утонулъ навсегда. Vae victis! Горе тому, кто попадется въ эту минуту на глаза „благонамѣренному“. Онъ въ одно мгновеніе будетъ съ ногъ до головы обрызганъ ядовитою слюной ябеды и клеветы! . . .

Сильныя общественныя потребности необходимы для „благонамѣреннаго“: онѣ даютъ ему возможность окрѣпнуть. Пожаръ поселяетъ въ его сердцѣ радостный трепетъ . — наводненіе, голодъ — приводятъ въ восхищеніе!

Въ обыкновенное время, когда теченіе дѣлъ не представляетъ угрозъ, когда окрестъ царствуетъ тишина, когда въ обществѣ расцвѣтаетъ надежда на лучшее будущее — „благонамѣренный“ увядаетъ, ибо сознаетъ себя ненужнымъ.

Самолюбіе его страдаетъ безмѣрно; онъ мечется и ищетъ исхода для своей дѣятель-

ности и вездѣ приходитъ не во время, вездѣ видитъ себя лишнимъ . . . Тишина тлетворнымъ образомъ дѣйствуетъ на его фонды, почти что исключаетъ его изъ жизни, — и при томъ это явленіе для него до такой степени ново и необычайно, что невольно возбуждаетъ въ немъ подозрительность, населяетъ его воображеніе всевозможными страхами. „Тихо — стало быть, нѣчто замышляется; стало быть, я пропалъ“, говоритъ себѣ благонамѣренный, и нѣтъ мѣры его злополучію.

Чтобы пищевареніе совершалось въ немъ безпрепятственно, нужно, чтобы цѣлыя массы изнемогали подъ игомъ нравственныхъ и физическихъ истязаній или, по малой мѣрѣ, чтобы кто-нибудь да стоналъ . . .

Если этого нѣтъ, онъ чувствуетъ себя неловко и, чтобы смягчить свое горе, начинаетъ предсказывать, предсказывать накликать.

И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на его предсказанія, на горизонтѣ появляется облако, въ воздухѣ чувствуется удушливость, вдалекѣ слышатся раскаты грома . . .

Посмотрите, какъ постепенно воскресаетъ, какъ загорается румянецъ по его блѣднымъ

щекамъ, какой страшной пастью разверзаются неистовствовавшія дотолѣ уста!

„Я говорилъ, я предсказывалъ, я зналъ впередъ, что это будетъ такъ!“ — хохочетъ онъ на всѣ стороны, и льется этотъ зловѣщій перекатистый хохотъ изъ края въ край, вызывая къ жизни давно уснувшія ненависти, давая плоть и форму тому, что смутно шипѣло и безсмысленно бормотало, не сознавая самаго себя, не умѣя для себя найти яснаго выраженія . . .

Наступаетъ минута какого-то адскаго откровенія. „Нигилисты!“ раздается побѣдный кличъ, и все, что чувствуетъ себя бодрымъ, что не расположено жить въ угоду . . . все складывается въ одну яму и немедленно отдается на поруганіе . . .

Въ такомъ положеніи дѣлъ очень естественно, что какъ бы человѣкъ ни старался попасть въ тонъ минуты, онъ всегда чувствуетъ себя опереженнымъ . . .

Такъ было и съ нами, членами „Общества робкаго усилія благонамѣренности“.

Какъ мы ни бодрились, какъ ни старались сослужить службу общественную — вопли

на „благонамѣренность“ затопляли насъ. Она забѣгала впередъ . . . Въ концѣ концовъ мы сдѣлались страдательнымъ орудіемъ, которое направляло свои удары почти механически.

Надо было видѣть, какіе люди встали тогда изъ могилъ! Надо было слышать, что тогда припоминалось, отомщалось и вымѣщалось!

Если вы имѣли съ вашимъ сосѣдомъ процессъ; если вы дали взаймы денегъ и имѣли неосторожность напомнить объ этомъ; если вы имѣли несчастіе доказать дураку, что онъ дуракъ; подлецу—что онъ подлецъ; взяточнику — что онъ взяточникъ; если вы отняли у плута случай сплутовать; если вы вырвали изъ когтей хищника добычу — это просто на просто означало, что вы сами себѣ вырыли подъ ногами бездну . . . Вы припоминали объ этихъ вашихъ преступленіяхъ и съ ужасомъ ожидали . . . Не было закоулка, куда бы не проникла „благонамѣренность“ . . .

Провинція колыхалась и извергала изъ себя цѣлые легіоны чудовищъ ябеды и клеветы...

Отъ Перми до Тавриды,
Отъ хладныхъ финскихъ скалъ
До пламенной Колхиды . . .

Отовсюду устремлялись стада „благонамѣренныхъ“, чтобы вымѣстить накипѣвшія въ ихъ сердцахъ обиды.

Они рыскали по сторонамъ, становились на распутьяхъ и вопили: „Нигилисты, Коммунисты, Соціалисты!“ Обвинялся всякій отъ коллежскаго регистратора до дѣйствительнаго статскаго совѣтника включительно. Вся табель о рангахъ была заподозрѣна. Сводились счеты: все прошлое, безсильное, пошлое прошлое — ликвидировалось сразу. . . Дѣлалось яснымъ, что какъ бы ни тщился человѣкъ быть „благонамѣреннымъ“, не было убѣжища, въ которомъ бы не постигла его „благонамѣренность“ еще болѣе „благонамѣренная“.

Самые „благонамѣренные“, наконецъ, спутались и испугались не за общество, а за самихъ себя и за дѣтей своихъ.

Человѣкъ старался угадать не то въ чемъ онъ когда-нибудь преступилъ противъ ходячей политической морали, а то, существовали ли какіе-нибудь пункты этой морали, въ которыхъ нельзя было бы совершенно свободно обвинить кого угодно и какъ угодно и на которомъ изъ этихъ пунктовъ обрушится обвиненіе именно на него? Тотъ, кого въ этомъ

обвинительномъ омутѣ постигало забвеніе, могъ считать себя счастливымъ! Тотъ, кого не обвиняли прямо, а кому только издали грозили пальцемъ, долженъ былъ спѣшить исчезнуть, чтобы не раздражать своимъ видомъ торжествующей „благонамѣренности“; исчезнуть, провалиться сквозь землю, быть забытымъ — вотъ лучшій удѣлъ, котораго могъ желать человѣкъ . . .

Читатель, ты, который, пробѣгая настоящее признаніе, быть можетъ обвиняешь меня въ развратѣ, размысли надъ правдивой картиной, которую сейчасъ нарисовало перо мое, провѣрь ее твоими воспоминаніями и скажи по совѣсти: гдѣ находятся дѣйствительныя, крайнія границы нравственной распущенности — во мнѣ . . . или можетъ быть въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ?

* * *

На этотъ разъ было почти утро. Цѣлую ночь мы не смыкали глазъ и уже начинали дѣйствовать нерѣшительно и вяло. Это былъ тотъ моментъ, когда на улицахъ начинаетъ

показываться какое-то колеблющееся, словно приготовительное движеніе: дворники метутъ мостовую, открываются двери булочныхъ, съѣзжаются возы съ овощами и зеленью; но настоящая толпа, настоящее движеніе не показывается . . . Въ такія минуты всего сильнѣе чувствуется цѣна теплой кровати . . . . Самый безпріютный человѣкъ ищетъ себѣ уголка, къ которому можно прислонить уставшую голову . . . Бодрственное состояніе дѣлается почти непереносимымъ и можетъ быть поддержано лишь искусственнымъ образомъ . . .

Мы спѣшили.

„Онъ“ былъ уже, однако, одѣтъ. „Онъ“ отворилъ намъ дверь, держа въ рукахъ книгу и, не отрывая отъ нея глазъ, пошелъ предъ нами, какъ будто наше появленіе не составляло для него ничего непредвиденнаго и, пожалуй, даже не относилось къ нему.

Равнодушіе уже не удивляло насъ. Но это было уже не равнодушіе, но что-то такое, чему нельзя подыскать имени. Мы всегда примѣчали, что, какъ бы ни старался человѣкъ взглянуть въ глаза бѣдѣ, какъ бы ни примирялся онъ съ неизбѣжностью и неиспра-

вимостью положенія, въ которое ставила его сила обстоятельствъ, но такое философское настроеніе не оказывается вполнѣ цѣльнымъ: всегда въ него примѣшивалась хоть тѣнь горечи, иронiи или по крайней мѣрѣ изумленія. Человѣкъ не протестуетъ, не жалуется, но восклицаніе: „Какіе жалкіе, презрѣнные люди!“ такъ и свѣтится во всѣхъ движеніяхъ, такъ и бьетъ всюду: и въ интонаціи голоса и въ выраженіи глазъ, всюду . . .

Читатель не повѣритъ мнѣ, какъ ни обидна подобная оцѣнка, но даже и она можетъ примирить! Чувствуется, что эту фразу говоритъ человѣкъ не совсѣмъ еще закоснѣлый, что вы не ничто въ его глазахъ, что у него могутъ быть такія же уязвляемыя мѣста, какъ и у васъ и у всякаго — однимъ словомъ, что это слабый смертный, которому можно сдѣлать больно, который имѣетъ хоть какія нибудь точки соприкосновенія съ вами. Какъ хотите — а это сознаніе успокоиваетъ . . . . Напротивъ того, тутъ въ этомъ разсѣянномъ и сосредоточенномъ молодомъ человѣкѣ — ничего подобнаго, какъ будто все давно имъ понятно, рѣшено и забыто . . .

Мы вошли въ кабинетъ.

„Онъ“ молча сѣлъ около окна и углубился въ чтеніе. Натурально, это меня взорвало.

— Извтельо стоять! крикнулъ я на него.

Онъ всталъ и продолжалъ читать.

— Извольте оставить книгу!

Онъ положилъ книгу на столъ.

— Меррзавецъ! произнесъ я сквозь зубы, но такъ, что онъ, навѣрное, слыжалъ мое восклицаніе; тѣмъ не менѣе ни малѣйшаго движенія не показалось на лицѣ его.

— Съ вами живетъ какая-нибудь женщина?

— Смотрите! сказалъ онъ, какъ будто отгоняя отъ себя что то назойливое, прервавшее нить его мыслей.

Разсуждая хладнокровно, я долженъ сознаться, что при тогдашнемъ моемъ утомленіи именно только такое адское равнодушіе и могло обновить мои гаснувшія силы. Я съ яростью выбрасывалъ книги, швырялъ бумаги. Но онъ по прежнему продолжалъ стоять у окна и безъ малѣйшаго признака изумленія смотрѣлъ на картину разрушенія, которая быстро созидалась передъ глазами.

— Кто вы такой? наконецъ бросился я къ нему.

Онъ назвалъ себя. Онъ даже не сказалъ, что я самъ долженъ знать, у кого я нахожусь. Повидимому ему не приходило въ голову, что можно иронизировать, удивляться, негодовать!

Это было до такой степени ново, что въ головѣ у меня блеснула мысль: не подступиться ли къ нему посредствомъ великодушія!

— Общественное мнѣніе указываетъ на васъ, какъ на причину зла, сказалъ я: опровергните это! Постарайтесь снять съ себя столь низкое обвиненіе! Я изъ участія къ вамъ говорю это: мнѣ жаль васъ! Наконецъ я прошу васъ: спасите себя и дайте мнѣ возможность участвовать въ этомъ спасеніи!

— Идемте! произнесъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто ему безконечно надоѣло мое кроткое повліяніе чувствъ . . .

Марршъ!

* * *

Дальше! дальше!

„Онъ“, очевидно, былъ философъ и принялъ на себя трудъ убѣждать насъ.

— Мнѣ кажется, мм. гг., говорилъ онъ: что вы бьете совсѣмъ не туда, куда бить слѣдуетъ, и что, видя въ занятіяхъ умственными интересами что-то враждебное обществу, вы кидаете ему упрекъ, котораго оно даже не заслуживаетъ! . . . Ужели оно и въ самомъ дѣлѣ такъ разслаблено, что не можетъ выдержать напора мысли, что первая вещь, отъ которой прежде всего необходимо остеречь его — это преданность интересамъ мысли! Почему вы думаете, что для общества всего необходимѣе невѣжество? Почему, когда въ обществѣ возникаетъ какое нибудь замѣшательство, передовые люди, которые дѣлаются жертвами вашей подозрительности, суть именно люди мысли, люди изслѣдованія? Согласитесь, что такое странное явленіе нельзя даже объяснить иначе, какъ глубокимъ презрѣніемъ, которое вы питаете не только къ обществу, но и къ самимъ себѣ? . . .

Я слушалъ его съ удовольствіемъ, да и нельзя было иначе, потому что au fond il y a du vrais dans tout ceci! Иногда мы дѣйствительно пересаливаемъ и какъ будто черезчуръ охотно доказываемъ міру, что знаменитое хрестоматическое двустишіе: Наука юношей

питаетъ и пр. улетучивается изъ насъ немедленно, какъ только мы покидаемъ школьныя скамьи.

Я невольно вздохнулъ при этомъ соображеніи.

Онъ продолжалъ:

— Допустимъ, однако же, что наука вредитъ; но вѣдь во всякомъ случаѣ это такой вредъ, который доступенъ только немногимъ; большинству же не можетъ угрожать ни малѣйшей опасностью! . . . Вы говорите: общество тогда можетъ быть счастливо, когда оно невѣжественно — прекрасно! Но съ чего же вы берете, что эта невѣжественность такъ легко доступна для позягательства науки! И ежели общество дѣйствительно такъ невѣжественно, что считаетъ состояніе невѣжества лучшимъ залогомъ своего спокойствія, то какъ же допустить въ немъ ту легкомысленную жажду къ знанію, которая будто бы до того сильна, что требуетъ какихъ-то экстраординарныхъ мѣръ для предупрежденія увлеченія ею?

Удовольствіе возрастало; онъ продолжалъ:

— Одно что-нибудь: или общество желаетъ знанія и слѣдовательно можетъ безопасно вы-

держать его или оно не терпитъ знанія — и въ такомъ случаѣ, конечно, само постоитъ за свою святыню, само отобьется отъ нападеній и защититъ свое право на свободу отъ наукъ! Бояться за общество, столь крѣпко убѣжденное, предпринимать искусственныя и не всегда ловкія мѣры для огражденія его — не значитъ ли это безъ надобности волновать его и даже указывать отчасти такіе просвѣты, которыхъ оно никогда не увидало бы, не будь вашей безсознательной услуги?

Удовольствіе возрастало съ каждой минутой. Я думалъ: ахъ, еслибы такъ всѣ разсуждали! еслибы всѣ понимали, что вмѣсто того, чтобы преслѣдовать науку, лучше всего поступать такъ, какъ бы ея совсѣмъ не было . . . Наука! Что такое наука? Parlez moi de ça! Qu'est-ce que c'est que cette „наука“ . . . et ou avez-vous péché cet animal-là?

Вотъ, по моему мнѣнію, единственный разговоръ, который можетъ допустить по этому поводу истинно прозорливая внутренняя политика!

Но „онъ“ продолжалъ:

— Но вѣдь придется же, наконецъ, — хоть въ этомъ и тяжело сознаться, — что совсѣмъ

безъ наукъ тоже обойтись нельзя; что народы, которые питаютъ къ наукамъ презрѣніе . . .

„Онъ“ остановился, точно обрѣзалъ: очевидно „онъ“ понялъ, что я слушалъ „его“ съ удовольствіемъ.

— Идемте! сказалъ онъ, надѣвая на голову картузъ.

Марршъ!

* * *

Замѣчательно, что женщины никогда не бываютъ такъ тверды въ бѣдствіяхъ, какъ мужчины: онѣ или непремѣнно въ слезы ударятся или слегкомысленничаютъ. Обыкновенно онѣ очень хвастливы и даже нагло отстаиваютъ убѣжденія, имъ искусственно привитыя; напротивъ того, становятся очень робки, когда дѣло коснется ихъ убѣжденій настоящихъ, жизненныхъ — сейчасъ наровятъ шмыгнуть въ сторону. Такъ, напр., онѣ выходятъ изъ себя, разговаривая о собственности, о семействѣ, какъ основѣ государственнаго и гражданскаго союза, о соціализмѣ — однимъ

словомъ обо всемъ, что ни прямо, ни косвенно не касается ихъ; а заговорите-ка объ „амурахъ“ . . .

— Вы, душенька, нигилистка? спрашивалъ я надняхъ одну нигилисточку, зачитавшуюся Боклемъ до чертиковъ.

— А вы, душенька, негодяй? отвѣчала она, вѣроятно думая очень околоть меня этимъ названіемъ . . .

Вотъ одинъ изъ 1000 примѣровъ женскаго легкомыслія! Я обращаюсь къ ней со словомъ „нигилистка“, а она отвѣчаетъ мнѣ: „негодяй“! и не понимаетъ, что въ этомъ наивномъ сопоставленіи заключается все мое торжество, что она собственными своими милыми устами подтверждаетъ, что „нигилистъ“ и „негодяй“ понятія однозначущія . . .

Я охотно указалъ ей на этотъ естественный выводъ, и хотя она пыталась объяснить свою фразу, но въ этихъ объясненіяхъ еще болѣе запутывалась . . .

— Нѣтъ, я этого не говорила! горячилась она: „нигилизмъ“ это само по себѣ, а „негодяй“ — самъ по себѣ; негодяй — это вы!

Она такъ уморительно сердилась, что я готовъ былъ расцѣловать ее . . .

— Но почему же я не нигилистъ? спросилъ я.

— Потому что вы негодяй! негодяй! негодяй! . . . Прелесть!

— Ну, а на счетъ браковъ какъ? спросилъ я.

Она вышла изъ себя . . . Вообще я замѣтилъ, что „онѣ“ не любятъ этого вопроса и перестаютъ быть любезными, когда имъ предлагаютъ его.

— Ну-съ, хорошо-съ! Скажите, по крайней мѣрѣ, что называется коммунизмомъ?

— Коммунизмъ, заговорила она бойко: это такая форма общественная, при которой ни одинъ изъ членовъ общества не имѣетъ отдѣльной собственности, въ которой всѣ члены приносятъ одинаковую долю труда, необходимаго для производства цѣнностей, и всѣ же получаютъ одинаковую долю въ пользованіи произведенными цѣнностями . . .

— Всѣ: и лѣнивые и прилежные?

— Лѣнивыхъ не бываетъ въ коммунѣ! Лѣнивые это изобрѣтеніе вашего историческаго общества.

— Прекрасно-съ! Ну, а на счетъ браковъ— такъ таки ничего не скажете?

— Я сказала уже, что вы негодяй!

Ужели это не легкомысліе? Всѣмъ рисковать, готовы страдать, перенести всякую невзгоду изъ за какихъ-то завѣтныхъ принциповъ, а какъ только начнешь сводить этотъ любезный принципъ съ миленькаго пьедестальчика, на который онъ взобрался, какъ только назовешь этотъ принципъ по имени — сейчасъ или сердятся или плачутъ!

Марршъ!

* * *

Въ другой разъ дѣло было еще горячѣе.

Я сидѣлъ съ одной хорошенькой нигилисточкой (и какъ идутъ къ нимъ эти распущенные волосы, эти короткія платьица, какой они имѣютъ добрый видъ!) и, побрякивая саблей, доказывалъ ей, что занятіе анатоміей отнюдь не должно входить въ кругъ воспитанія благородныхъ дѣвицъ . . .

— Почему такъ? спросила она меня довольно нахально.

— А потому, душенька, отвѣчалъ я: что анатомія можетъ волновать ихъ нѣжныя, легко воспламеняющіяся чувства . . .

— Лучше скажите, что она можетъ волновать чувства у тѣхъ, кто не помышляетъ ни о чемъ, кромѣ гадостей . . .

— Ужъ будто и „гадостей“? А небось, какъ дойдетъ до „амуровъ“ . . .

Я каюсь: я увлекся! Раздражаемый содержаніемъ разговора, миловидностью паціентки, коротенькой юбочкой, которая позволяла видѣть прекраснѣйшую въ мірѣ ножку, я, можетъ быть, ужъ слишкомъ близко подсѣлъ къ ней . . .

Я хотѣлъ уже взять ее за талію . . . Хлопъ! . . . Ужели и это не легкомысліе? Проповѣдуютъ свободу любви, а какъ только предлагаютъ имъ запечатлѣть эту свободу . . . . хлопъ!

Марршъ!

Ахъ, какъ я себя велъ!

„Онѣ“ сидѣли и клеили картонки. Не знаю, почему мнѣ это показалось возмутительнымъ, но этого мало — мнѣ показалось, что слѣдуетъ обыскать . . .

Ахъ, какъ я себя велъ!

* * *

Читатель можетъ спросить меня: кто допустилъ насъ такимъ образомъ нахальничать? чего смотрѣло начальство?

На это могу отвѣчать одно: медвѣдь проснулся . . . Покуда медвѣдь сидитъ въ берлогѣ и сосетъ лапу, начальству легко. Съ помощью куска мяса его можно даже выманить изъ берлоги и заставить танцовать; но боже упаси, если онъ началъ рычать! Нѣтъ той силы, которая могла бы усмирить его!

Слава о моихъ подвигахъ росла . . . Одинъ, безъ всякаго утомленія, кромѣ частной инициативы . . . Это было изумительно! Это даже было не просто изомительно, но почти волшебно! . . . Но таково могущество охранительной идеи! Она простого, слабаго смертнаго съ желѣзомъ въ сердцѣ, съ кремнемъ въ душѣ вооружаетъ когтями льва! . . . Невольнымъ образомъ голова моя закружилась. Я видѣлъ себя предметомъ восторженнѣйшихъ овацій. Въ похвалу мнѣ произносились спичи, во всѣхъ трактирахъ Имперіи лилось шампанское съ пожеланіемъ новыхъ и новыхъ подвиговъ; со всѣхъ концовъ сыпались поздравительныя телеграммы . . . Я пламенѣлъ, я жаждалъ, я устремлялся, я былъ готовъ!...

Я нѣсколько дней сряду кутилъ, ночи проводилъ безъ сна и почти не ѣлъ ничего. Глаза воспалились и сдѣлались совсѣмъ круглыми, ненависть между тѣмъ разгоралась все больше и больше, такъ что можно почти сказать, что она одна поддерживала мои силы . . . Но цементъ былъ крѣпокъ! Я дошелъ почти до ясновидѣнія и угадывалъ нигилистовъ тамъ, гдѣ другіе усматривали только дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ! Но съ другой стороны эта же возбужденность чувства мѣшала мнѣ ясно понимать, что въ числѣ множества прихотливыхъ формъ, которыми облекается нигилистъ, есть нѣкоторыя, прикасаться къ которымъ не всегда безопасно . . . Особенныя трудности въ этомъ смыслѣ представляютъ формы, называемыя дѣйствительными статскими совѣтниками . . .

Овацiи продолжались, шампанское лилось, шарманки въ трактирахъ играли, но были уже сферы, въ которыя проникала измѣна. Поговаривали кой-гдѣ, que je suis trop entier, что у меня начинаютъ обрисовываться слишкомъ яркія убѣжденія, что это тоже не хорошо, потому что, становясь на почву убѣжденій (даже самыхъ что называется пасквильныхъ),

человѣкъ, самый враждебный нигилизму, постепенно совращается, совращается и, наконецъ, ничего не подозрѣвая, оказывается на самомъ днѣ онаго . . .

Какія-то странныя предчувствія тяготили меня. Я смутно подозрѣвалъ, что эти слухи недаромъ, что откуда-то грозитъ опасность, долженствующая положить конецъ моей дѣятельности. Я старался исправиться, старался стать выше убѣжденій; но безсонница и искусственныя средства для подкрѣпленія слабѣющаго организма разрушили всѣ усилія, дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ. Едва я приступалъ къ „работѣ“, какъ мною овладѣвалъ всецѣло демонъ ненависти. Глаза наливаются кровью, въ ушахъ шумитъ, руки безпокойно подергиваются, лицо искажается судорогою! . . .

Вотъ инородецъ, такъ тѣмъ нахвалиться не могутъ! Ему что? — онъ пришелъ, ни слова не сказалъ, пошевелилъ глазами, забралъ въ охапку и ушелъ . . . Днемъ спитъ, ночью работаетъ и никогда на капли! А я?! . . .

* * *

Сегодня призывали меня къ генералу, не къ тому отставному, который вручилъ мнѣ жезль просвѣщенія, но къ другому — настоящему, котораго я по несчастію совсѣмъ упустилъ изъ вида. Генералъ былъ сердитъ.

— Правда ли, сказалъ онъ мнѣ, что вы дошли до такой степени гнусности, что позволили себѣ потерять всякое уваженіе даже къ женской стыдливости?

Очевидно, что клевета начинала уже подымать голову.

Я хотѣлъ оправдываться; говорилъ, что это только такъ . . . немножко . . . Я заикался, переминался съ одной ноги на другую и былъ дѣйствительно жалокъ . . .

— Прошу отвѣчать на вопросъ! прервалъ генералъ.

— Точно такъ, Ваше Пр—ство! выпалилъ я словно изъ пушки.

— Мерзавецъ!

Странное дѣло! Сколько разъ имѣлъ я случай испытывать на себѣ дѣйствіе этого слова, сколько разъ самъ примѣнялъ его къ другимъ, и все не могу привыкнуть къ нему, всегда оно кажется мнѣ чѣмъ-то неожиданнымъ, совсѣмъ новымъ . . .

* * *

Однако растолковать это все-таки довольно трудно. „Мерзавецъ!“ — ну, прекрасно! Но отчего же одинъ генералъ говоритъ: „молодецъ“, а другой при тѣхъ же точно обстоятельствахъ кричитъ: „мерзавецъ!“? Ужели это то самое явленіе, которое въ административной практикѣ извѣстно подъ именемъ „независимости власти“? или, быть можетъ, это первые робкіе опыты практическаго примѣненія принциповъ „самоуправленія“?

(Онъ же „децентрализація“ или кто во что гораздъ?) . . . Во всякомъ случаѣ нужно было бы предварительно издать надлежащій по сему предмету трактатъ . . .

* * *

Но какимъ образомъ я „его“ высѣкъ?

Дѣло было такъ.

Мы закусывали въ Старомъ Пекинѣ. Выпито было изрядно, потому что стеченіе патріотовъ было неслыханное. Я разсказывалъ о подвигахъ послѣдней ночи; другіе также. Соревнованіе было общее. Не знаю, какимъ образомъ разговоръ принялъ такой странный

оборотъ, но помню, что я сталъ хвастаться. Я говорилъ, что и не такъ еще поступлю и что въ будущую же ночь непремѣнно „его“ высѣку . . .

Каналья нѣмецъ (тотъ самый, который не могъ сразу опредѣлить, какая у него душа) еще больше разсудилъ меня, выразивши сомнѣніе на счетъ исполнимости моего намѣренія . . . Слово за слово, состоялось пари . . .

— Сто противъ одного! бѣсновался я; я ставлю сто рюмокъ, ты одну! Принимаешь, скорлупая голова? (у нѣмцевъ, я это замѣтилъ, головы всегда нѣсколько прозрачны на свѣтъ).

— О, я съ удовольствіемъ! зудилъ проклятый нѣмецъ: но ви можете сейчасъ же начать платить, потому что это никакъ невозможно . . . ви долженъ „его“ взять . . . вести . . . стотрѣть . . ., но висѣчь! . . . Это невозможно! О, нѣтъ . . . это не ви . . .

И словно бѣсъ соблазнитель, онъ ежеминутно сновалъ мимо меня, моталъ своей бараньей головой и повторялъ:

— Нѣтъ, это не ви! . . .

Наступила ночь. По обыкновенію я отправился въ походъ. Для крѣпости выпилъ. Какъ

теперь помню, мы подошли къ громадному дому, вызвали дворника и назвали фамилію. Онъ со двора указалъ намъ квартиру въ самомъ верху . . .

Сначала, когда мы были еще неопытны, мы всегда брали съ собой дворника до самой двери квартиры. Но впосдѣдствіи стали неглижировать этой предосторожностью . . .

Мы что-то долго поднимались по лѣстницѣ, которая вдобавокъ была темна, черна и скользка. Наконецъ, порядочно утомившись, пришли къ цѣли.

Едва успѣли мы одинъ разъ дернуть за ручку звонка, какъ „онъ“ уже прибѣжалъ къ двери и поспѣшно отворилъ ее . . .

Повидимому это былъ человѣкъ не первой молодости. Лицо его было блѣдно и разстроено. Свѣча дрожала въ рукѣ. Распахнувшіяся полы стараго истрепаннаго халата обнаруживали пару трясущихся ногъ. Никогда я не видалъ человѣка въ такой степени виноватаго . . .

— Всыпьте-ка ему десятка два дѣтскихъ! сказалъ я съ перваго же абцуга, обращаясь къ своимъ товарищамъ.

Нѣмецъ былъ тутъ же и только взмахнулъ на меня глазами.

„Онъ“ былъ до того виноватъ, что даже не возражалъ. „Онъ“ кротко легъ и кротко же всталъ, не испустивши ни стона, ни жалобы . . .

— Ваша фамилія, ваши занятія? сурово спросилъ я.

— Начальникъ отдѣленія NN-аго департамента, статскій совѣтникъ Перемоловъ, отвѣчалъ онъ, упираясь глазами внизъ. (Очевидно, ему было стыдно!)

Представьте мое изумленіе! это былъ не „онъ“! . . .

Я пытался какъ-нибудь выпутаться и запутался еще больше. Мнѣ слѣдовало просто-на-просто уйти, показавъ видъ, что общественная немезида удовлетворена. Вмѣсто того я уперся; перерылъ всю его скаредную квартиру, думая найти хоть что-нибудь хоть букву какую-нибудь, которая могла бы мнѣ послужить оправданіемъ. Разумѣется, я ничего не нашелъ, кромѣ доказательствъ его душевной невинности . . . Тогда я сталъ придираться.

— Но какъ же осмѣлились вы, м. г., вво-

дить меня въ заблужденіе? накинулся я на него.

Но онъ уже понялъ и, убѣдившись въ своей невинности, началъ обнаруживать твердость души.

— Нѣтъ, это такъ не пройдетъ! говорилъ онъ, постепенно приходя въ раздраженіе и какъ бы ободряя себя своимъ собственнымъ крикомъ.

— Нѣтъ! Это что же? . . . Этакъ всякій съ улицы пришелъ, распорядился и ушелъ! . . . Нѣтъ! Это не такъ! . . . Въ этихъ дѣлахъ надо глядѣть да глядѣть . . .

— Но поймите, что тутъ, м. г., вашей вины гораздо больше, нежели моей . . .

— Ничего я не хочу понимать! Я слишкомъ хорошо понимаю! . . . Это чортъ знаетъ что такое? . . . Пришелъ, распорядился и ушелъ!

Онъ вдругъ остервенился, началъ скакать на меня, подставлять къ моему лицу кулаки . . . Такъ что даже наконецъ я оскорбился . . .

— Понимаете ли вы, м. г., что вы меня оскорбляете? сказалъ я съ достоинствомъ.

— Я его оскорбляю! . . . Милости просимъ! Онъ со мной, какъ съ младенцемъ . . . и я его оскорбляю! Я . . . его! . . .

Словомъ сказать, загородилъ такую чепуху, что хоть святыхъ вонъ выноси! Одно мгновеніе въ моей головѣ мелкнуло: не попросить ли прощенья? Но, странное дѣло, я вдругъ какъ-то понялъ, что это послѣдній мой подвигъ, и покорился.

* * *

Онъ не простилъ.

На другой день меня опять призвали къ настоящему генералу.

— Правда ли, что вы статскаго совѣтника Перемолова подвергли наказанію на тѣлѣ? спросилъ онъ меня.

— Точно такъ, Ваше Пр—ство!

Онъ взглянулъ на меня съ любопытствомъ...

— Меррзавецъ! произнесъ онъ тихо.

Опять это слово!!

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ГОСПОДА ОБМАНОВЫ

А. Амфитеатрова

(Old Gentleman)

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Цѣна 1 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ооо

ПИСЬМО о ЕГО УЧЕНІИ

Община и міръ. — Внѣшнее и внутреннее единеніе. — Ложь и вѣра. — О любви и жизни. — Изъ частныхъ писемъ и бумагъ разнаго времени. — Изъ писемъ послѣдняго времени. — Нѣсколько мыслей о болѣзни и смерти.

Цѣна 1 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ОТЪ РОЗГИ
КЪ ЖЕЛТОМУ БИЛЕТУ

НОВЫЕ ПОДВИГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
и
СТАРЫЯ ДУМЫ РАБОТНИКА.

Цѣна 1 м. 20 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

МЫСЛИ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

Собранныя

Владиміромъ Чертковымъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ

Цѣна 1 м. 50 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Д-ръ Пауль Эльцбахеръ,
приватдоцентъ.

Анархизмъ

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Цѣна 5 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Изъ

революціонной русской литературы

I.

1901-ый годъ въ Россіи. — Финляндскія событія. Памяти народной воли. — Военщина противъ гражданъ. — О демонстраціяхъ. — Какъ царь и его министры правятъ Россіей.

Цѣна 3 мар.